

гордостью коллектива считается пряжа «эляна», в которой натуральная шерсть искусно смешана с особым синтетическим волокном. Судя по описаниям, польская «эляна» — близкая родственница нашего знаменитого «лавсана». Спрос на этот товар в Польше, как и у нас, быстро растет. Поэтому лодзинские товарищи принимают меры к дальнейшему расширению производства. Здесь строят новый производственный корпус, изыскивают резервы уплотнения площадей и постепенно модернизируют станочный парк. Вся эта работа, как настойчиво подчеркивали в беседе с нами руководители фабрики, ведется под зорким и квалифицированным экономическим контролем: из всех возможных вариантов реконструкции осуществляются только те, которые способны принести максимальный эффект в кратчайшее время.

Небольшой дружеский прием, который организовали ради нашего приезда общественные организации фабрики, состоялся в «светлице». Помещение это заслуживает, мне думается, нескольких специальных строк.

«Светлица» — в переводе на наш язык это нечто вроде клуба или красного уголка. Но перевод не совсем точен. Ведь клуб в нашей практике это все-таки учреждение, с небольшим, но все-таки твердым штатом платных работников. Польские «светлицы» платных работников не имеют. А от невзрачных казенных красных уголков (к сожалению, еще типичных для многих наших предприятий) «светлицу» отличает непринужденное жизнерадостное оформление. Светлые, яркие тона стен, легкая современная мебель, оригинальные рисунки и фотографии, домашняя чистота и уют — вот что по вечерам привлекает в «светлицу» молодых и пожилых рабочих и делает ее действительно местом отдыха коллектива, отдыха приятного и разумного — с лекциями и диспутами, самодельными концертами и танцевальными вечерами.

Крупнейшее текстильное предприятие лодзинского промышленного района — расположенный в Побнице хлопчатобумажный комбинат имени Революции 1905 года. На комбинате 9 тысяч рабочих, которые выпускают в год более 70 миллионов метров тканей самого различного ассортимента — технические, бельевые, плащевые, простые. Значительная часть продукции идет на экспорт.

В тот день, когда мы были на предприятии, там выполнялись заказы Камбоджи, Норвегии и еще нескольких государств. В соответствии со вкусами потребителей, разбросанных по всем континентам, художники комбината обеспечивают производство самыми разнообразными рисунками и узорами. Вот почему склад готовых изделий,

куда нас провели после осмотра цехов, одновременно напоминает и выставку ярких, редких цветов, и мастерскую абстрактной живописи.

В наследство от старой Польши молодому народному государству досталось довольно-таки потрепанное хозяйство. Большинство станков текстильного комбината имеет возраст 30—35 лет. В движении они приводятся устаревшей системой ремённых приводов. Тем не менее лодзинские мастера добиваются очень высокого качества продукции и строго следят за требованиями современных стандартов. Вот маленькое доказательство: все ткани Побяницкого комбината обязательно пропускаются через усадочную машину. Женщины знают, что это значит: ни материя, ни шитые из нее вещи после стирки не «сядут», и людям нет надобности вводить при покупке «усадочную» поправку. Все ли наши текстильные предприятия, оборудованные более совершенными ткацкими станками, могут похвалиться такой заботой о потребителе?

Впрочем, о смоленских текстильщиках лодзинские специалисты хранят самые лучшие впечатления. На комбинате имени Революции 1905 года уже побывали ткачихи из Смоленска и Ярцева. Они делились с польскими товарищами своим богатым опытом и об одной из них — «тетя Таня» — очень тепло говорил в своем приветственном выступлении председатель фабкома Побяницкого комбината тов. Корецкий. Мы не без труда догадались, что эта домашняя «тетя Таня» — не кто иной, как Герой Социалистического Труда Татьяна Петровна Козалева.

ДВА дня — это очень немного для такого большого и разнообразного города, каким является Лодзь. Естественно, что в памяти и в блокноте смогли отложиться лишь беглые и отрывочные наблюдения.

Вот главная торговая магистраль города — Петраковская улица. Не слишком широкая, но достаточно шумная, она застроена высокими разнокалберными домами в коммерческом стиле XIX столетия. Самое существенное в этих домах — большие броские витрины первого торгового этажа. Нельзя не признать, что оформлены они со вкусом, а главное — действительно отвечают своему прямому назначению: дают полную исчерпывающую информацию о том, что имеется в магазинах (не вообще, чем торгует этот магазин, а что именно есть в продаже сегодня, сейчас) и какая товару цена. Надо ли говорить, что это полезно и покупателям и продавцам, так как предотвращает излишнюю толкотню у прилавков.

Обращает на себя внимание поведение лодзинских пешеходов. Они повинуются светофорам совершенно беспрекословно. Даже в тех случаях, когда перекресток свобо-

ден, нет ни одной машины, они послушно ждут разрешающего сигнала, не позволяя себе сойти с тротуара хотя бы на желтый свет. Такой дисциплинированности не увидишь и в Варшаве.

В городе идет большое жилищное строительство. Новые дома (бетон, стекло, алюминий), как и везде в Польше, сочетают в себе удивительную простоту линий с практической, всем понятной целесообразностью. Иногда кажется, что в легкости, стройности и практичности зданий этого стиля есть что-то от быстрых и строгих океанских лайнеров. А если такими домами застроена целая улица, может почудиться, что в зеленый океан волнующейся листвы выплыла белая праздничная эскадра. Такое впечатление произвела на нас, в частности, новая улица имени Юрия Гагарина. Понятно, что нам, смолянам, лодзинцы показывали ее с особым радушием.

В ЛОДЗИ пять драматических театров. Посещаются они хорошо. Хорошо — это не значит сплошные аншлаги (такое положение, столь любезное сердцу администраторов, иногда больше свидетельствует о неразборчивости зрителя, нежели о его чутком понимании искусства). Хорошо — это значит не безразлично, не относиться к театру, как к развлечению, а всем своим «кассовым» поведением требуя от него глубокого, честного отклика на важные явления современности.

Благодаря товарищескому вниманию журналистов из воеводской газеты «Глос роботничий» мне удалось за два дня пребывания в Лодзи посмотреть два спектакля в двух наиболее интересных театрах города.

Один из них — «Скандал в Хельберге» в лодзинском Новом театре. Новый театр — хорошо известный в стране коллектив. Его создал и воспитал Казимеж Дембек — по общему признанию один из лучших польских режиссеров. (Сейчас он руководит Национальным театром в Варшаве, для которого в столице строится крупнейшее театральное здание). Автор пьесы Ежи Брошкевич тоже входит в число самых популярных и талантливых польских драматургов среднего поколения. Но дело не в именах. Спектакль действительно оставляет отличное впечатление. Он увлекателен в хорошем смысле этого слова, и в то же время пронизан острыми интересными мыслями.

Действие пьесы происходит в Западной Германии. Тихий захолустный городок. Но сонная оболочка жизни обманчива. В обывательском сознании туманно бродят идеи реванша и неугасшие еще мысли об исключительности немецкой нации. Достаточно случайного анекдотического толчка, чтобы идиллия ошестинилась оружием и в народную Польшу.

Второй вечер был занят спектаклем «Любовь и нейтрон» в театре Повшежном (что значит всеобщем, общедоступном). Пьеса эта с довольно сложной философией затрагивает вопрос, остро дебатлируемый в современной Польше. Это вопрос о судьбе семьи в напряженный и неустойчивый атомный век, об ответственности родителей перед будущим детей. Несмотря на чрезвычайное увлечение польскими режиссерами различными формальными экспериментами, этот спектакль был вполне «нормальным» — в меру камерным и психологичным. Однако, несмотря на явный мелодраматизм пьесы, реакция зала была сдержанной. Как объяснили польские товарищи, зрителей настораживает авторская позиция, не вполне совпадающая с наиболее прогрессивными взглядами на семейные отношения.

Я нарочно не вдаюсь в подробности содержания — это ведь не рецензия. Просто хочется подчеркнуть: лодзинские театры, как и все театры Польши, очень внимательны к острым современным проблемам, а зрители напряженно следят не только за сюжетом и «чувствительными» переживаниями героев — они чутко контролируют авторов в смысле идейной и философской доброкачественности. А это есть показатель по-настоящему развитого театрального вкуса.

СТАЛО уже традицией заканчивать путевые заметки привычно-учтивой фразой: «Но самое интересное в нашей поездке — это встречи с людьми». Такая концовка просится с пера у меня тоже. И вовсе не из почтения к литературным штампам, а потому, что это действительно правда. Лодзинские товарищи — с кем бы ни приходилось встречаться — оказывали нам, смолянам, исключительное гостеприимство. Охотно делились своими замислами и заботами, они в то же время с неподдельным увлечением расспрашивали о нашей жизни, работе, о всем интересном и новом, что происходит сейчас в нашей стране. Эта сердечная теплота в равной мере присуща профсоюзному работнику Михаилу Крымскому и историку Мечиславу Бандурке, молодому рабочему Побяницкого комбината Ежи Папуге и лодзинскому драматургу Збигневу Ненацкому, журналистам воеводской газеты и текстильщикам прядильной фабрики. Их внимательность, искреннее дружелюбие и горячее желание предоставить гостям все возможности для приятного и полезного пребывания в Лодзи — вот что стало главным фундаментом наших единодушных радостных впечатлений от поездки в народную Польшу.